

ВЛАДИМИР ФЁДОРОВ

(Донецк)

В НАЧАЛЕ БЫЛ ПОЭТ

Основная мысль нашей статьи состоит в следующем: поэт – не субъект творческой деятельности, результатом которой является литературное произведение, а субъект творческого бытия. Кажется, мы ломимся в открытую дверь: чтобы быть субъектом деятельности, нужно существовать, быть субъектом существования. Уточняем: творческое, или поэтическое, бытие – другое бытие, чем жизненное существование; поэт – другой субъект, чем жизненное – животное – существо.

Появляется естественный вопрос: в чём цель жизненного существования? И ответ на него представляется более или менее ясным. Но в чём цель поэтического бытия? Это проблема. Ответ на этот вопрос и является целью статьи, предлагаемой вниманию читателей журнала “Наш современник”.

Существование поэта как отдельного от жизненного существа субъекта не является очевидным, и нам придётся аргументировать это утверждение. Сошлёмся на факт, указанный в книге немецкого эстетика и искусствоведа Бр. Христиансена “Философия искусства”. Автор пишет, что в пространстве перед человеком нет художественного произведения, а есть лишь внешнее произведение – высеченная глыба мрамора, раскрашенное полотно и проч. Зададим вопрос: о чём свидетельствует этот факт? О том, что пространственно-временная сфера ограничена в своём онтологическом ресурсе: она может осуществить далеко не всё, что всё же осуществляется человеком.

Далее следует вопрос: в чём причина этой ограниченности? Мы полагаем, что она заключается в типе организации (структуры) пространственно-временной действительности. Пространственно-временная сфера осуществляет субъектов непосредственно телесного существования какой угодно степени сложности – от косно-материальной величины до жизненного организма. Будучи субъектом непосредственно телесного существования, эта величина (в том числе и жизненное существо) является однопланной, и тип её организации следует определить как тектонический.

Наряду с многочисленными субъектами непосредственно телесного существования есть единственный субъект опосредствованного бытия. Этим субъектом является человек. Человек – субъект, способный воображать. Воображённый предмет существует не просто внутри воображающего – он существует в особой действительности, которая в относительно развитом виде обозначается термином “сюжетная действительность”. Сюжетная действительность в организации человека представляет собой отдельный план. Таким образом, человек есть двупланное существо, тип организации которого

определяется как архитектурно-пространственный. Поскольку пространственно-временная сфера организована тектонически, она не может осуществить человека как архитектурно организованный субъект. Тем не менее, человек осуществляет своё бытие, из чего следует, что пространственно-временная сфера не является единственной бытийной сферой.

Далее возникает вопрос: что позволяет человеку осуществлять акт воображения? На этот вопрос мы отвечаем так: человек – субъект внетелесного бытия, вследствие чего он не может осуществлять себя и своё бытие прямо и непосредственно, но не может и не осуществлять его, а потому осуществляет его опосредованно – через непосредственно существующий субъект телесного бытия (сюжетный персонаж). Акт воображения, таким, образом, оказывается, в известной степени, принудительным: человек постоянно пребывает в непрямом состоянии. Мы фиксируем только намеренно осуществляемые акты воображения, но человек постоянно находится в превращённом состоянии, следовательно, постоянно осуществляет акты воображения. Наиболее явными из произвольно совершаемых актов воображения являются сны. Персонажи, которых мы видим во сне, суть те, в которых вообразил себя человек, а те ситуации, в которых они оказываются, являются проекцией той ситуации, которая в данный момент является актуальной для человека.

Мы приходим к выводу, что человек – не животное (голая обезьяна), одарённое разумом, а целое человека, составляющие которого суть жизненное существо (человеком само по себе не являющееся) и собственно человек. Собственно человек – субъект внетелесного бытия. Это бытие осуществляется в двух формах: языковой (обыкновенный случай) и словесной (от Слова, бывшего в Начале – случай исключительный). Собственно человек, как и жизненное существо, бывает одарён бытийной энергией в разной степени. Собственно человеком является поэт – субъект бытия, словесного по типу и превращённого по способу осуществления.

Итак, поэт – это собственно человек в самой сильной своей бытийной позиции. Именно к нему и следует обращать один из вечных вопросов: какова цель человеческого бытия? Какова цель субъекта животного существования – другой составляющей целого человека – понятно: он, во-первых, осуществляет свою жизнь, во-вторых, продолжает её в потомстве. Какова цель собственно человека? Прежде чем отвечать на этот вопрос, рассмотрим организацию собственно человека, поскольку она должна быть способна эту цель осуществить. Организацию собственно человека предпочтительно описывать не как инвентаризацию отдельных её компонентов, а описывая событие осуществления (формирования) этой организации.

Собственно человек, будучи субъектом внежизненного бытия, вынужден осуществлять это бытие непрямом способом – через посредство субъекта телесного существования – жизненного преимущественно. Рассмотрим ситуацию воображения более детально, чем это делалось до сих пор. Обращаем внимание на то, что собственно человек воображает телесную величину не “из ничего”, а “из себя”: он себя во-ображает в субъекта непосредственно телесного существования. Это обстоятельство вносит весьма существенный корректив в традиционное представление о воображении.

Если субъект воображения воображает себя, то он разделяется на того, кто воображает, и того, кого он воображает. Это разделение внутреннее: ясно, что воображающий не делится на двух субъектов, один из которых – воображающий, а другой – воображаемый. Но это вовсе не означает, что разделение является условным: напротив, оно и является фундаментальным, потому что всё дальнейшее – только его оформление.

Следующее движение субъекта воображения – акт отрешения воображаемого от воображающего; воображаемое в своём отрешённом состоянии и является той величиной, в которую во-образил себя субъект воображения. Воображённое (Онегин как субъект жизненного – сюжетного – существования) есть, с одной стороны, собственно Онегин, с другой – Пушкин-воображаемый в его актуально отрешённом состоянии. “С одной стороны” означает, что в жизненно-прагматической – сюжетной – действительности; “с другой стороны” – в сфере бытия Пушкина-автора. Сюжетная действительность не только отрешает (отчуждает) воображаемого от воображающего, но и изолирует его: сюжетная действительность “держит” Пушкина-воображаемого в качестве

Онегина, и в этой действительности он есть “Онегин” — субъект жизненного существования. Это, конечно, нельзя понимать в том смысле, что произошло некоторое преобразование: был Пушкин-воображаемый — стал Онегин как сюжетный персонаж.

Мы приходим к выводу: сюжетная действительность осуществляет не только бытийную функцию, являясь сферой жизненного существования для персонажей, но исполняет довольно коварную роль по отношению к автору: так, Онегин убеждён, что он вообще есть тот, кто он есть в своей жизненной действительности, тогда как “на самом деле” он есть Пушкин-воображаемый в своём отрешённом и изолированном состоянии.

Пушкин-воображающий осуществляет себя и своё бытие в качестве внутренней формы Онегина-сюжетного персонажа, что означает: Онегин в своей внутренней форме есть Пушкин-автор. “Внутренняя форма” — понятие, значение которого трудно переопределить: оно выводит сюжетного персонажа из пространства и времени к последнему целому, которым является автор. Внешняя форма — пространственно-временная сфера — соотносит персонажей как жизненно актуальных существ, то есть как соперников и конкурентов; в своей внутренней форме они есть единый субъект — автор. Автор, однако, есть собственно человек в своём недолжном — непрямом, опосредованном — состоянии. Жизненная сфера удерживает Онегина как жизненного персонажа в себе, внутренняя форма делает его причастным к целому.

Следующий вопрос может показаться несколько искусственным, хотя он фиксирует весьма важный момент. Мы говорили, что сюжетный персонаж есть тот, кто своим существованием совершает авторское бытие: Онегин своим жизненным существованием осуществляет бытие Пушкина-автора — как его внутренняя форма. В связи с этим и возникает наш вопрос: является ли сюжетный персонаж формой, которая онтологически корректно осуществляет поэтическое — превращённо-словесное — бытие автора? Мы отвечаем на этот вопрос отрицательно: не является. Причина: сюжетный персонаж — субъект односторонне положительного — жизненного — существования, вследствие чего он и не может осуществить словесное по типу бытие автора. Положительная односторонность восполняется отрицательной односторонностью: у сюжетного персонажа появляется отрицательный двойник — субъект смертного существования.

Разумеется, автор вовсе не озабочен тем, чтобы превратить себя в субъект отрицательного (антижизненного) существования: словесная форма, превращаясь в телесные формы, чтобы сохранить себя, производит антиномическую форму, но ему приходится с этим считаться. Элементарный пример: отрицательный персонаж появляется не потому, что “так в жизни” — для этого есть внутреннее основание. Словесная форма, превращаясь, учреждает две односторонние формы — жизненную и смертную. Поэт в качестве внутренней формы односторонне положительного — жизненного — существования определяется как “бог”, относительно односторонне отрицательного — смертного — существования как “дьявол”. Онтологический план восполняется ценностным: “бог” — абсолютное добро, “дьявол” — абсолютное зло. “Бог” и “дьявол” как бытийные и ценностные односторонности, составляющие организации поэта, есть “объективные” следствия его превращённого — поэтического, творческого — состояния, однако это именно организация, а не простая “раздробленность” поэта. Эта организация позволяет ему, с одной стороны, сохранить своё бытийное единство, а с другой — затрудняет достижение своей цели — преодоление превращённости (закреплённое его организацией) и достижение должного, то есть непосредственного, непревращённого состояния. Поэт как субъект словесного по типу бытия осуществляется как единая внутренняя форма “бога” и “дьявола”. В ценностной перспективе внутренняя форма добра и зла есть любовь. Добро и зло — абсолютно непримиримые односторонние ценности — в своей внутренней форме являются одной ценностью — любовью. Проблема поэта не в том, чтобы победила какая-то односторонность (желательно добро), но в том, чтобы преодолеть односторонность, чтобы “победила” любовь. Обман райского змия состоял не в том, что Адам и Ева будут знать добро и зло, а в том, что они, вкусив плод от древа познания добра и зла, разделяют любовь на две противоположные односторонние ценности — добро и зло.

В известном смысле поэт повторяет исходную ситуацию: любовь как исконное содержание словесной формы есть содержание бытия поэта, но она

“заключена” в нём; ему нужно ею овладеть, а чтобы ею овладеть, нужно её освободить из её заключения, то есть разделить на добро и зло. Овладеть любовью теперь можно, только сделав её содержанием бытия Адама и Евы. Событие бытия Слова есть переход любви от “древа познания” в “Адама и Еву” (тоже являющихся односторонностями), но во всё время свершения этого события любовь существует как добро и зло в различных своих конфигурациях. Всё событие бытия человечества в “сокращённом виде” представлено в событии бытия поэта.

Обращаем внимание на две характерные особенности поэтического бытия. Во-первых, это “одинокое” бытие; поэт – как царь – “живёт один”; во-вторых, он осуществляет всё событие своего бытия. То, что человечество осуществляет за многие тысячи поколений, поэт осуществляет один – от исходной ситуации (когда становится поэтом) и до завершающей (когда он, “выпрямляясь”, перестает быть поэтом).

В заключение нашей краткой статьи скажем, что событие бытия поэта не может быть исследовано наукой. Научному исследованию подлежит субъект непосредственного существования. Субъектами непосредственного существования являются телесные – пространственно-временные – величины. Поэт как субъект превращённого бытия и должен быть исследован опосредствованно – через исследование непосредственно совершающегося события жизненного существования. Формой исследования события поэтического бытия, корректной по отношению к своему “предмету”, является филология. На опосредованность формы филологического знания обратил внимание М. М. Бахтин в своих ранних работах.